

«Мы не являемся преступниками»: раннесоветская гомосексуальная субкультура Петрограда

Исследование сексуально-гендерного диссидентства находится вне академического пространства исторической науки в современной России. Одна из многих причин – скудость источниковой базы, которая, во-первых, объясняется особенностями архивохранения этих материалов (часть источников была засекречена, другая – не внесена в описи), во-вторых, восприятием сюжета как маргинального, поэтому открытые и доступные для работы источники XVIII-XIX веков пока не привлекали внимания историков. Историография вопроса коротка и исчерпывается именами нескольких исследователей (Лора Энгельштейн, Дан Хили, Ади Кунцман). В центре этого доклада сюжет, который уже был косвенно затронут в работах Энгельштейн и Хили. По их мнению, отмена уголовного наказания за мужеложество большевиками не случайность и не является попыткой по инерции избавиться от всего «буржуазного», царистского законодательного наследия: ни в кодекс 1922 года, ни в кодекс 1926 года статья не попала. Но какова реальная правоприменительная практика в отношении подобных эпизодов? До сих пор об этом судить было затруднительно ввиду ограниченности в источниках. На основании найденного объемного и детального архивного дела в отношении так называемого «сообщества гомосексуалистов» в Петрограде начала 1920-х годов можно впервые наиболее полно описать саму субкультуру, очень похожую на уже проанализированные в историографии лондонскую и нью-йоркскую того же периода, а также на конкретном примере нащупать позицию большевистских властей по отношению к гомосексуалам, большая часть из которых являлись людьми с образцовым пролетарским или нейтральным крестьянским происхождением, удачно вписанными в новую советскую реальность.